

Тан Цзин ничего не ответил, погладил по голове Бин Баобэй и, задрав голову, отрешенно посмотрел в небо.

В этот момент в нем не просто пробудилась сила — в памяти всплыло кое-что еще.

— Бин Баобэй!

— Папа!

— А знаешь что?

— Что?

— Этот мир очень велик!

— И насколько же он велик?

— Огромлен!

Переключив внимание дочери, Тан Цзин поднялся на ноги и отошел, оставив девочку сидеть в задумчивости.

Тан Цзин спрятался во внутреннем дворе, рассчитывая в тишине и одиночестве немного вздремнуть, но никак не ожидал встретить здесь старшую дочь, Цинь Тянь.

— Папа!

— Мм.

— Мне так скучно!

— Займись чем-нибудь.

— Я одинока.

— Хочешь, папа найдет тебе мужа?

— Ни за что!

— Тогда чего ты хочешь?

— Найти кого-нибудь в компанию!

— А?

Тан Цзин вытаращил глаза: какой позор!

— Папа, я хочу найти несколько человек просто поболтать, а не мужей, — поспешно пояснила Цинь Тянь.

— Ох, ну ладно, — кивнул Тан Цзин, поболтать — это еще куда ни шло.

— И кто тебе нужен — парни или девушки?

— Конечно, парни!

— Тоже сойдет.

— Спасибо, папа!

— Пошли, взглянем вместе.

Тан Цзин зашагал впереди. Дома и вправду было пустовато, стоило обзавестись людьми для оживления обстановки.

Огородным хозяйством ведали исключительно женщины, что неизменно наводило тоску на дочерей, и Тан Цзин решил нанять молодежь.

На сей раз Цинь Тянь отобрала пятерых пареньков, все как на подбор видных и щеголеватых. По одежде сразу было видно, что из бедняков: пробились во двор Чуньфа по знакомству, а потому вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь.

Тан Цзин не желал излишне опекать дочерей — лишь бы не старые толстяки, а в остальном пусть выбирает на свой вкус.

Сам же Тан Цзин нанял четырех девочек лет двенадцати-тринадцати — глазастеньких, бойких и с первого взгляда располагающих к себе.

Если приставить их к его драгоценным дочерям, те больше не будут чувствовать себя

одинокими.

Люди, принятые в дом, не считались прислугой или служанками: их можно было привлекать к делам, но без перегибов, а бить и бранить и вовсе запрещалось — в крайнем случае разрешалось лишь срезать плату за провинности. Их называли домашними помощниками.

Шла тихая, безмятежная жизнь. Отдохнув с месяц, Тан Цзин снова отправился с дочерьми за пределы дома. Полагая, что в глубоких горных чащах их ждет богатый улов, они в итоге не нашли ровным счетом ничего: обойдя несколько громадных гор, они жалконько разжились лишь парочкой корешков дикого женьшеня, которые едва ли стоили хоть каких-то денег.

С лекарственными травами не задалось, зато дичи водилось вдоволь, но охотой удавалось добыть лишь гроши на карманные расходы, о серьезном заработке не было и речи. Так что путь Тан Цзина к богатству через сбор целебных кореньев оказался отрезан.

Подобное положение дел объяснялось начавшейся войной: семья Цинь схватилась с семьей Тан, и верхушка семьи Цинь отрядила людей прочесать и зачистить сразу несколько горных массивов.

В междоусобных территориальных войнах всегда задействовали только Воинов, не допуская до схваток простых смертных.

Разумеется, все Воины принадлежали к роду Цинь, и они скорее позволили бы погибнуть в бою собственным детям, чем стали бы возвращать чужаков-прихлебателей.

Практически в каждом клане царили те же порядки: роль простолюдинов сводилась лишь к производству благ и поставке красавиц.

Лишившись доходов от трав, он рисковал застрять на месте, а Тан Цзина это никак не устраивало, поэтому ему срочно требовались иные источники заработка.

Пока Тан Цзин предавался унынию после месячного перерыва, когда собирать травы стало нелегко, на горизонте появилась Цинь Хунлань.

Во главе внушительной процессии она лично явилась, чтобы забрать всю семью в главное поместье рода Цинь.

Только теперь Тан Цзин узнал, что эта женщина — старшая госпожа семьи Цинь.

Наступила ночь. Тан Цзин стоял перед Цинь Хунлань, готовый высказать всё накопившееся, но не знал, с чего и начать.

К этой женщине он испытывал глубокую благодарность: ведь именно она подарила ему дом и родила трех чудесных дочерей.

— Что, язык проглотил?

Глядя на Тан Цзина, Цинь Хунлань одновременно испытывала брезгливость и тоску: брезгливость — к этому никчемному увальню, а тоску — по прожитым вместе годам. Пусть жизнь была тяжелой, осталось слишком много воспоминаний, от которых невозможно просто так отмахнуться.

Она до сих пор помнила их первую встречу: грязный, в изодранных штанах и рубахе Тан Цзин, у которого даже детородный орган был на виду.

Здоровье у него хромало, он и в десять лет мочился в постель, избавившись от этой напасти только к двенадцати.

А когда Тан Цзину исполнилось четырнадцать, крыша в доме протекла, и им пришлось ютиться на одной постели — как они тогда ухитрились оказаться в объятиях друг друга, она и сама не поняла. Позднее Цинь Хунлань склонялась к мысли, что ее просто одолело одиночество.

Хотя она была писаной красавицей, вдове заново подыскать стоящего мужчину — задача почти невыполнимая, вот Тан Цзину и перепало такое счастье.

Впрочем, глядя на то, как неплохо устроился Тан Цзин теперь, она решила, что в своем выборе не ошиблась.

На самом деле некогда Цинь Хунлань совершила проступок, за который ее сослали на окраину империи. Лишь когда срок наказания истек, родные вернули ее обратно, а благодаря военным заслугам в войне против семьи Тан она добилась разрешения забрать домой Тан Цзина, дочерей и внуков.

При этом родись у нее сын или внук — семья Цинь их бы не приняла; девочек же разрешили забрать потому, что впоследствии их можно было выдать замуж за сородичей или использовать в выгодных политических союзах.

Ночь прошла в тишине. На завтра чуть свет Цинь Хунлань не смогла подняться с постели: нынешний Тан Цзин оказался слишком неукротим, и даже ее раскованная сила, даже ступень раннего Императора Войны не спасли ее от поражения.

Все Воины делились на пять великих ступеней: Воин, Полководец, У Цзун, Император Войны и Император Боевых Искусств.

Каждая ступень в свою очередь делилась на три периода: ранний, средний и поздний. Цинь

Хунлань находилась на ранней ступени Императора Войны. Когда ее сослали на границу, силу, разумеется, запечатали — какой бы иначе был смысл в ссылке?

Тан Цзин, сохраняя невозмутимость, позавтракал и отправился осматривать окрестности. Его статус в семье Цинь был ничтожно мал, поэтому список мест, куда ему разрешалось ступить, оказался крайне ограничен.

К полудню глава семьи Цинь, Цинь Чэнь, созвал все семейство в главный зал. Все расселись, и лишь Тан Цзин с тремя дочерьями остались стоять в сторонке, не удостоившись стульев.

Восседая на почетном месте, Цинь Чэнь окинул собравшихся взглядом и произнес:

— Натиск семьи Тан неодолим, наши потери огромны. Особенно в молодом поколении — счет убитым идет на десятки. Что думаете, как нам быть дальше?

Старейшина поднялся с места и заявил:

— Семья Тан жаждет поглотить нас и переманила на свою сторону клан Чэнь. Предлагаю тоже поискать союзников среди других семей.

— Верно! — кивнул Второй старейшина, поддерживая его. — Раз семья Тан заключает союзы, мы можем поступить так же. По-моему, неплох клан Цянь — у них на службе состоят аж два Императора Боевых Искусств. Если удастся перетянуть их на нашу сторону, раздавить семью Тан и клан Чэнь не составит труда.

Выслушав Первого и Второго старейшин, присутствующие закивали: план звучал разумно и в нынешней ситуации оставался единственным выходом.

Цинь Чэнь кивнул в ответ и произнес:

— До меня дошли слухи, что семья Тан сначала пообещала клану Чэнь земельные наделы, а затем пообещала поделить земли семьи Цинь в пропорции три к семи. Их намерение уничтожить нас твердо, как сталь. Как вы полагаете, что нужно предложить, чтобы склонить на свою сторону семью Цянь?

В зале поднялся гул, все принялись оживленно обсуждать услышанное. Наконец поднялся Третий старейшина:

— Я слышал, что глава семьи Цянь, Цянь Вангу, падок на вино и женскую красоту. Давайте сыграем на его слабостях: поднесем сотню красавиц, тысячу кувшинов крепчайшего вина и, подражая семье Тан, сначала посулим земли, а после пообещаем поделить имущество семьи Тан в пропорции два к восьми. Перед лицом столь щедрой выгоды семья Цянь, уверен, не устоит.

Первый старейшина кивнул:

— Семья Цянь сильна, без тяжелой артиллерии тут не обойтись. Третий прав: мало просто разбросаться обещаниями, нужно проявить искренность. Сотня красавиц — отличный ход, а если задействовать в этом деле девушек из нашей же семьи Цинь, успех будет гарантирован.

Второй старейшина покосился на Цинь Хунлань и произнес:

— Дочери Сяо Лань уже подросли, и ее вторая дочь вполне для этого сгодится. К тому же она — родная внучка главы рода. Подумайте сами, разве такая жертва не докажет нашу искренность?

Услышав свое имя, Цинь Хунлань вздрогнула от неожиданности. Судорожно вцепившись в руку Тан Цзина, она лишь чуточку успокоилась.

Цинь Чэнь перевел взгляд на Цинь Хунлань и спросил:

— Что скажешь?

— Подчинюсь воле семьи! — не раздумывая ни секунды, ответила Цинь Хунлань.

В ее понимании отдать дочь на сторону или даже принести себя в жертву ради клана было само собой разумеющимся.

— Хорошо, тогда решено. Третий, займись подбором девиц лично, семья Цянь должна остаться довольна, — кивнул Цинь Чэнь и взмахом руки отпустил всех.

На этом собрание завершилось. Мнение Тан Цзина никто даже не удосужился спросить — само позволение присутствовать в главном зале уже считалось для него величайшей милостью.

Право голоса?

Об этом не стоило и мечтать. Осмелся он подать голос — тут же последовало бы наказание: в лучшем случае изгнание, в худший — смертная казнь. Именно так и погиб первый муж Цинь Хунлань.

Строго говоря, семья Цинь относилась к Цинь Хунлань весьма благосклонно, ведь ее супруг оставался единственным посторонним человеком, которому позволялось переступать порог главного зала. О какой чести для простолюдина шла речь!

Вернувшись в отведенные им покои, Цинь Хунлань затащила Цинь Хун в комнату, принимаясь

усердно промывать той мозги, чтобы девушка добровольно пошла на эту жертву.

Тан Цзин молча постоял на пороге. Больше оставаться в этом доме он не собирался.

Сам он толком не знал, каков его уровень культивации, но прекрасно чувствовал: Цинь Чэнь перед ним — сущий птенец. Если бы не сегодняшний инцидент и семья не обошлась с ним столь пренебрежительно, он бы еще подумал об участии в битве.

Но семья Цинь просто вычеркнула его из расчетов.

На рассвете следующего дня Тан Цзин созвал всю семью и обратился сперва к Цинь Хунлань:

— Я покидаю семью Цинь. Ты идешь со мной?

— Что? — изумленно выдохнула Цинь Хунлань. — Ты хоть подумал? Семья Цинь — не то место, куда можно приходить и уходить, когда вздумается.

Тан Цзин пропустил ее слова мимо ушей и перевел взгляд на старшую дочь:

— Папа уходит. Что скажешь ты, Цинь Тянь?

Та бросила короткий взгляд на мать и твердо ответила:

— Папа, я пойду с тобой! Куда бы ты ни отправился, я везде за тобой!

Тан Цзин кивнул и обратился ко второй дочери:

— Я не хочу, чтобы ты страдала, Цинь Хун. Пойдем с нами!

— С удовольствием! — обрадовалась та, не веря своему счастью.

Сколько бы ни вдалбливала ей мать всякие глупости, девушка пропустила всё мимо ушей. Она слишком привыкла к отцу и видела, насколько он силен — в прежние времена всё было с точностью до наоборот.

— А ты? — Тан Цзин посмотрел на Бин Баобэй. Отвергнуть можно было кого угодно, но Бин Баобэй, даже если бы вздумала упрячиться, права выбора не имела.

— Папа! — лицо Цинь Бин залилось румянцем, словно они замыслили тайный побег.

Раз все вопросы были улажены, Тан Цзин приволок огромную кровать, велел дочерям взобраться на нее, подхватил ложе своей силой и взмыл ввысь.

Цинь Хунлань в оцепенении смотрела им вслед. Лишь спустя долгое время она опомнилась и бросилась к Цинь Чэню с докладом.

Тан Цзин не стал улетать стремглав: раз в семье Цинь оставаться нельзя, сына тоже следовало забрать с собой. Что же касается Е Дуо и ее родственников — пусть поступают как знают.

За прошедшее время Е Дуо уже успела привыкнуть к жизни без Тан Цзина и сейчас вовсю играла с сыном у ворот.

Кое-какие сбережения у нее водились, так что на первое время средств на жизнь хватало.

Парящий на большой кровати Тан Цзин опустилсЯ прямо перед ними и прямо спросил:

— Идете со мной или нет?

— А? — Е Дуо растерялась от такой внезапности и, глядя на Тан Цзина, молчала.

— Я спрашиваю еще раз: идете со мной? — холодно повторил Тан Цзин.

— Нет, уходи! — Е Дуо, может, и хотела бы согласиться, но тон Тан Цзина задевал ее гордость. В конце концов, они ведь не голодали, неужто без мужа не прожить?

Тан Цзин не собирался проявлять излишнее терпение. Подняв кровать, он решительно взмыл в небеса.

Покинув владения семьи Цинь, путь лежал напрямик в дикие земли. Будучи уверенным в том, что он сможет защитить дочерей, Тан Цзин выбрал для поселения уединенный уголок, бесконечно далекий от людей — затерянный посреди океана остров.

На необитаемом клочке суши кишело множество диких зверей и ядовитых тварей, но размеры острова поражали воображение — по оценке Тан Цзина, он ничуть не уступал по площади землям семьи Цинь.

Помимо просторов, здесь изобиловали редкие лекарственные травы и гигантские деревья, подпиравшие небеса, — не хватало лишь человеческого присутствия.

Подыскав удачное местечко, Тан Цзин принялся за строительство. Сперва он возвел простенький глинобитный дом, чтобы семейство могло обосноваться, а уже потом планировал

отстроить полноценные хоромы.

Пусть жилище из глины вышло незамысловатым, но вполне пригодным: три небольшие комнаты, отдельная кухонька, санузел и крепкая ограда вокруг. Сам он считал это временным пристанищем, однако дети пришли в полный восторг, сияя от счастья и одобрения.

В дорожном браслете Тан Цзина нашлись все необходимые постельные принадлежности. Стоило закончить с домом, как он раскатал тюфяки, застелил кровати, и новое жилище было готово.

В том же браслете хранился в основном запас провизии, а из кухонной утвари нашелся лишь один котел, что создавало некоторые неудобства. Впрочем, эти мелкие хлопоты он переложил на плечи дочерей, а сам отправился прочесывать окрестности и истреблять хищное зверье.

Очистив прилегающие территории от опасных тварей, Тан Цзин навалил множество толстых стволов и соорудил вокруг просторный частокол, чтобы надежно защитить лагерь от нападений диких зверей.

<http://bllate.org/book/19302/1889171>